

Благодаря выдающимся личностям, в прошлых эпохах исследовали Алтай, и не только его разнообразие ландшафтов, но и уникальное по своему характеру мировоззрение людей, обитающих на этой территории. Мировоззрение – это «на мир – зрение», насколько оно может быть разнообразным у людей, живущих в данной местности, и людей пришлых, живущих по соседству. Соединившись, две культуры – «кочевая» и «оседлая» – долгое время не понимали друг друга. Одно дело, когда один человек, наблюдая жизнь другого, обращает внимание только на внешние стороны этой жизни и не задумывается над внутренним содержанием, которое таится в глубине души данного человека и которое тщательно скрыто от глаз непосвященного. И совсем иной взгляд обнаруживается у непредвзятого исследователя, который очень осторожно и трепетно занимается изучением и фиксацией миропонимания изучаемых народов. То, о чем пойдет речь в данном материале, – уже история. История, зафиксировавшая различное мнение на одно и то же явление. Это история о жизни алтайского народа в не столь отдаленное время, и то, с чем обманулись христианские миссионеры в своей деятельности после организации Алтайской духовной миссии. И прежде чем перейти к основной теме повествования, необходимо осветить несколько моментов, что, собственно, и

послужило причиной для написания данной статьи.

С Борисом Хатмиевичем Кадиковым, директором Бийского краеведческого музея им. В. Бианки, я провел много лет в ежегодных комплексных экспедициях по Горному Алтаю. Поскольку Б.Х. Кадиков был энциклопедической личностью, то и цели в своих экспедициях он преследовал неоднородные. В основном его, как историка, интересовала археология, этнография, топонимика и религиозные взгляды, сохранившиеся среди местного населения. Об этих экспедициях я могу кратко сказать – это были лучшие годы в моей жизни. Я вспоминаю один случай, когда в один осенний день, не договариваясь с Б.Х. Кадиковым, мы встретились в отделе редких книг Алтайской краевой универсальной библиотеки им. В.Я. Шишкова. Как я и предполагал, Борис Хатмиевич интересовался тюркологией или иной исторической культурой. Но я был приятно поражен, когда заведующая отделом фонда редких книг, Кладова Валентина Петровна, мне принесла несколько «этнографических» обзоров с трудами Г.Н. Потанина, а Борису Хатмиевичу – работы, связанные с алтайской духовной миссией. Мой вопросительный взгляд получил ответ в следующих словах Бориса Хатмиевича: «Давно хочу написать биографию Михаила Яковлевича Глухарева – Архимандрита Макария». Странное дело: читал труды В.И. Вербицкого и только

вскользь слышал об Архимандрите Макарии. Ушел из жизни прекрасный человек и близкий друг, но слово своё сдержал – написал биографию одного из видных людей, посвятивших свою жизнь служению Алтаю.

Из всей биографии, опубликованной Б.Х. Кадиковым, мне бы хотелось выделить прежде всего информацию о выдающейся личности Михаила Яковлевича и представить взгляды на жизнь и условия той эпохи. Нас они увлекли... А для современных людей, приезжающих сегодня на Алтай знакомиться с его историей и культурой, они должны быть не менее интересны.

Михаил Яковлевич Глухарев родился 8 ноября 1792 года в семье священника Богоявленной церкви города Вязьмы. С малых лет обнаружил большие и разносторонние способности, впечатлительную и восприимчивую натуру. Отец сам занимался первоначальным его воспитанием. В семь лет мальчик был так хорошо подготовлен, что мог самостоятельно делать переводы с русского на латынь. С восьми лет родители отдали сына в Вяземское духовное училище, сразу в 3 класс. Суровый дух тогдашнего школьного воспитания оставил в нем глубокий след, и его здоровье было существенно подорвано. Пробыв на грани жизни и смерти почти полгода, он навсегда остался с острой болью в груди, слабым голосом и болезненным состоянием организма. По выздоровлении, дабы вновь не возвращать сына под опеку бездушного наставника, родители решили отправить его на учебу в Смоленск. Здесь, после окончания духовного училища, он поступает в семинарию. Божественные науки, основа сельского

хозяйства, медицина, библейская история, герменевтика, церковная археология, полемическое богословие, классические языки – все эти дисциплины, так или иначе, приводили семинариста в соприкосновение с наукой и способствовали развитию критического мышления. Предметом герменевтики являлось искусство толкования древних, в первую очередь ветхозаветных, текстов. Поскольку львиная доля последних была написана на древнееврейском языке, то М.Я. Глухарев начинает всерьез изучать его, таким образом, впервые получая возможность сравнивать качество и адекватность переводов оригинальных текстов иврита на латынь и старославянский. Однако грянула Отечественная война 1812 года. Занятия в семинарии прекращаются. Во время этого перерыва М.Я. Глухарева приглашают в Тверскую губернию, в имение одного богатого помещика. Ежедневно вращаясь в дворянской семье, он и сам не перестает учиться: постепенно приобретая тонкое знание светских правил приличия и умения держаться в светском обществе. В 1813 году с отличием окончена семинария. Ее руководители находят возможность доверить выпускнику преподавание латыни, и он с успехом ведет этот курс в течение года. В 1814 году начальство решает направить одаренного юношу в столичную духовную Академию. Там его сразу зачисляют на второй курс. Изящный в манерах и приятный в общении, спокойный и трудолюбивый, религиозный и благовоспитанный, студент Глухарев обращает на себя всеобщее внимание. Знакомый по Твери помещик зимой постоянно живет в Петербурге, двери его

дома всегда открыты для Михаила Яковлевича. Он получает приглашение и встречается в этом доме с людьми высшего круга. Эти связи послужили причиной раннего знакомства М.Я. Глухарева с широко распространенным тогда в аристократических кругах мистицизмом. Идеи об озарении от «Святого духа», о возможности возрождения, о предназначении судьбы и существовании таинственных и сверхъестественных сил увлекают молодого студента. Он знакомится с сочинениями Шлиллинга, Беля, Сведенберга, Дю-Труа, которые в изобилии продаются в книжных лавках Петербурга. Читает Михаил Яковлевич и труды русских мистиков: Лопухина, Корнева, Хвостова, князя Мещерского, Лабзина и др. Учебка в столице значительно расширила кругозор М. Глухарева. По отзывам современников, он был одним из самых «даровитых и блестящих студентов...», его отличали необычайная живость и восторженность». «Полная система философии и богословия», «высшее красноречие», физико-математические науки и, конечно же, – языки. Если для латыни, древнегреческого, древнееврейского, французского и немецкого фундаментальные знания уже наличествовали, то английский и итальянский ему пришлось осваивать практически заново. В 1817 году учебка в Академии окончилась. Михаилу Глухареву за отличные успехи в богословии присвоили степень магистра и назначили стипендию 350 рублей в год. Местом работы Михаилу Яковлевичу был определен Екатеринослав. Он был назначен туда инспектором и преподавателем духовной семинарии и одновременно профессором

духовной истории и немецкого языка, ректором уездного и приходского училища. Вне работы, в домашнем быту, М. Глухарев вел жизнь самую скромную и уединенную. Все свободное время уходило на занятия. Приехав в Екатеринослав, М. Глухарев поначалу часто бывал в свете. Ему даже прочили в жены одну девицу, но через год, убедившись, что семейная жизнь его не привлекает, М. Глухарев решил уйти в монашество. 24 июня 1818 года он принимает послушание под именем Макария, а 28 июня он становится иеромонахом Киевско-Печерской лавры. В феврале 1821 года его переводят на должность ректора Костромской семинарии с занятием кафедры богословия; в том же году, по указу синода, его ставят архимандритом в Костромском монастыре. С 1821 года здоровье его сильно пошатнулось. Его постоянно изнуряла лихорадка, болели глаза. До него дошла весть, что за Уралом, в Тобольске, появилась нужда в миссионере для обращения в христианство «местных инородцев» – так тогда называли коренных жителей Сибири. По согласованию с Синодом, Макарий был послан в одну из самых отдаленных миссий – Бийский округ Томской губернии, которая по духовному управлению принадлежала тогда Тобольской епархии, чтобы приступить к первым действиям миссионерской службы «калмыцкого народа» (калмыками называли тогда жителей Алтая).

Макарий прибыл в Бийск 29 августа 1830 года и остановился в доме священника Петра Синкина – обрусевшего кумандинца. Действуя энергично и планомерно, он распространяет в 1831 году действия миссии на сегодняшний куз-

нецкий округ. Основанные в 1834 году два больших стана в Майме и Улале превращаются в главные опорные пункты Миссии на Алтае. Убедившись на месте в непригодности полученных в Тобольске инструкций, Макарий разрабатывает свою программу обращения некрещеных в православие. Главное внимание в ней уделялось идее перевода алтайцев на оседлость, их грамоте и переходу к более культурному и рентабельному способу хозяйствования. Эта программа требовала от миссионера хороших знаний алтайского языка. И Макарий быстро овладевает им, впоследствии за 14 лет жизни на Алтае он переводит на местное наречие почти все Евангелие, многие места из Деяний и Посланий Апостольских, все 1-ое послание Иоанна, многие псалмы, истории Иосифа по тексту Библии, избранные места из книг Ветхого и Нового Завета и пр. Сейчас невозможно сказать точно, что послужило главной причиной, побудившей Макария в алтайской глуши увлечься мыслью перевода Библии на русский язык. Скорее всего, этот замысел созрел постепенно, и последним толчком к началу его реализации послужило обращение им «инородцев», которые совершенно не понимали старославянского языка, поэтому были лишены возможности черпать наставления из самого священного источника веры – «Слова Божьего». А что говорить об алтайцах, когда и самим русским были непонятны сотни вышедших из употребления «мертвых слов». Так главной целью жизни Макария стал перевод Библии на русский язык.

Михаил Яковлевич Глухарев сделал много хорошего и полезно-

го в вопросах перехода алтайцев к оседлому образу жизни. Многие из того, что задумал и начал осуществлять Макарий на Алтае, практика мирового миссионерства тогда вообще не знала. И здесь он опередил время почти на столетие.

Летом 1844 года Макарий навсегда покидает Бийск и Алтай. В конце 1846 года его здоровье резко ухудшается, развивается воспаление печени, желтуха. И 18 мая 1847 года, в 20 часов 20 минут, на 55-м году жизни Макарий расстаётся с этим миром. И последними словами его были: «Свет Христов просвещает всех». Церковный биограф сообщает, что после его смерти, в его комнате, кроме стола, стула, книг, тетрадок с выписками, чернил и перьев, ничего не было.

После визита вежливости к Филарету, митрополиту Московскому, Макарий, по его просьбе, позирует художнику. Сделанный на этом сеансе графический рисунок оказался единственным изображением Макария при жизни. Небольшого роста, худощавый, несколько сутуловатый, с небольшой бородой и чрезвычайно выразительными глазами, которые блистали умом и отражали внутреннее благоговейное настроение, – таким он и остался на этом рисунке.

Начав великое дело просвещения и культивирования алтайцев, Макарий соприкоснулся со многими сложностями. Как описывают миссионеры, алтайцы вели жалкий, полудикий образ жизни в вековой лени и неподвижности. Жилищами последних служат конические походные юрты, крытые берестой или корой лиственницы. Обстановка юрты поражает своей нечистоплотностью.

Грязь, мириады насекомых, дым, скот, живущий вместе с хозяином, неснимаемая и неомываемая смердящая одежда. Никогда не очищаемая посуда, из которой едят и хозяева и собаки – вот приблизительное понятие о той чрезмерной нечистоплотности алтайцев, которая заставляет русского смотреть на него, как на собаку. Следствием разбросанности алтайцев является то, что они вообще были чужды общественной жизни и не имели даже сносного внутреннего порядка управления. Изредка случающиеся общественные собрания их никогда не обходились без драк и побоев, всегда жестоких. Разделенные в административном отношении на 44 дючины или волости, они управлялись наследственными своими родовыми старшинами, называемыми в Бийском округе зайсанами, и в Кузнецком – башлыками. При каждом старосте от 3-5 помощников (димичей). Означенные народные начальники управляли инородцами по своему личному произволу, карали и миловали, брали какие угодно поборы и всеми мерами поддерживали старый быт и обычаи. Поставленные исправники и заседатели, убажываемые взятками зайсанов, не только не стесняли последних в их действиях, но и сами старались противодействовать их обрусению. Окружный самоуправский гнет старшин обрек на вечное оцепенение несчастных простолюдинов. Под сильным давлением алтайцы отказывались от каких бы то ни было улучшений и усовершенствований и погрузились в вековую лень, беззаботность, неподвижность и пьянство. Проживая все, простолюдин лезет в непомерные долги, нисколько не думая, выплатит он их или нет,

разорится или попадет под вечную кабалу богача. По своей беспечности жить только день за днем алтайцы перебиваются кое-как то скотоводством и звероловством, то сбором кедровых орехов, единственно в такой мере, чтобы быть на день сытым и пьяным. Это жалкое влечение жизни губительно отзывается на их умственных способностях.

Все алтайские миссионеры единогласно свидетельствуют о том, что у многих алтайцев способность к размышлению находится как бы в оцепенении.

В религиозных верованиях алтайцы держатся шаманского дуализма: началом светлых сил считают Ульгения, а темных Эрлика. Кланяются также солнцу, луне, огню, в жертву которому уделяют часть всякой пищи и питья. Для олицетворения божеств делают безобразные куклы, которых украшают подвесками, при жертвоприношениях намазывают кровью. Внешняя сторона религии – культ – слабо развита у инородцев. Только ужас, боязнь, страх гибели личной жизни или имущественной от злобы бесов вынуждают все их жертвища. Тут тогда выступает на сцену Кам (шаман) со своим бубном, и начинается дикая, исступленная оргия, с бесчеловечным закалыванием животных, уносящая на ветер подчас все благосостояние хозяина. И далее миссионер продолжает рассуждать... Как следствие вышеперечисленных бытовых условий нравственность алтайцев представляет пеструю смесь прекрасных качеств с большими отталкивающими недостатками. С одной стороны, патриархальная чистота, честность, наивное прямодушие, миролюбие, гостеприимство. Но

с другой стороны, самый неподвижный склад бытовых условий развивает лень, пьянство, желание прожить кое-как. Алтайская миссия рядом с обращением в христианство стремилась новокрещенных приручить к оседлости. Но это чаще залучевало ***кочевников. Переход к земледельческой культуре ему являлось непосильным. Оседлость же прививалась благодаря русским крестьянам, живущим в деревнях миссионеров. Органическая привычка передвижения и потребность постоянно свежего воздуха мешали кочевнику примириться с избой. Макарий не раз замечал в своих сочинениях, что «постоянные труды представляются для алтайцев жестким оскорблением вожденной для них свободы», т.е. праздности. Средствами, при помощи которых Макарий старался облегчить кочевым алтайцам столь резкий переход к оседлой жизни, служили прежде всего дарование 3-х летней льготы от всех податей и повинностей, затем благоразумные вещественные и денежные пособия. При крещении Макарий дарил новокрещенному белую рубашку и крест или же просто давал холст на одеяние (Белая рубашка, кроме того, служила символом облечения в нового возрожденного человека). Число обращенных алтайцев было невелико, хотя штат миссии всегда состоял из нескольких человек духовенства. В этой связи можно привести один из примеров. Когда миссионер предложил одному старику крещение, он ответил: «Я был молод, русские ласкали меня, и я охрестился, теперь я гляжу на былое иными стариковскими глазами. Что принесло нам крещение? Люди беднеют, стада их

уменьшаются, олени переводятся, да и самые люди переводятся, стариков почти вовсе не стало, многие умерли не по-людски. Нет, я хочу умереть по-нашему, по-человечески!» Этот страх вымирания при изменении образа жизни и прежних промыслов отталкивал алтайцев от православия, где оно являлось синонимом оседлости.

Русский мужик, живя рядом с алтайцем и ведя оседлый образ жизни, много времени тратил на заготовку и уборку сена, при этом, поглядывая на алтайца, рассуждал: бездельник и лентяй, как же он собирается кормить скотину. Алтаец же, глядя на его деятельность, тоже рассуждал по-своему, что русский мужик дурью мается, когда скотина круглый год на подножном корму находится. В зимнее время тебенюет (выбивает копытом снег и тем самым обнажает траву), и кочевой образ жизни никогда не предполагал заготовку сена, да и много чего еще. У кочевников существовало более ста наименований молочных продуктов. А многие ученые до сих пор не могут объяснить феномен кочевого государства.

Но существовала и существует иная точка зрения на мирозерцание и на народное творчество инородческих племен. Как говорится: «Все познается в сравнении» (любимое изречение у Б.Х. Кадикова). Мы имеем самые смутные и ложные понятия о наших инородческих племенах и их жизни. Если мы слышали о племенных их особенностях, внешности, нравах, занятиях, то весьма мало имеем понятия, об их мировоззрении, чувствах, их песни, поэзии, народном творчестве. Почему-то у нас сложилось

мнение, что инородцы, известные под именем язычников, имеют крайне грубые и религиозные понятия, поклоняясь уродливым идолам, горам, камням и т.п. Шаманизм до сих пор именно представлялся только со стороны внешнего жреческого обряда с экзальтированным жрецом, болтающим всякий вздор. Конечно, людям, не понимавшим языка, не заимствовавшим верований, легенд, значения обрядов, трудно было составить какое-либо представление о культе народов, живших в неизвестности целые века. Между тем, с точки зрения науки, эти культы, верования и представления инородческих племен именно и должны приковывать интерес. Прежде всего, надо заметить, что наши инородцы в Сибири как финского, так тюркского и монгольского имени, далеко не дикари, подобно африканцам и австралийцам. Это остатки обширных племен Азии, имеющих свою культуру, свои воззрения, верования, культуру, выработанные веками. Они пережили от первобытных понятий целый ряд верований, здесь были свои переходы, свои стадии. Таким образом, самое язычество представляет массу видоизменений. Шаманизм одного племени несколько отличается от другого. По последним исследованиям, шаманизм весьма близок к древнему пантеизму; на почве этого пантеизма выработалась целая мифология. Дикарь от обожания природы переходил к животному эпосу, затем к человеческому. Все это до сего дня сохраняется в памяти и легендах сибирских племен. Понятно, какой ценный источник заключается здесь для этнографии.

Алтайцы или тюркские племена Алтая до сих пор боготворят горы. Они весьма часто называют их Яик («священный»). Алтайские горы замечательные или своею высотой, или очертаниями, были до потопа богатырями. После потопа земля лишилась первоначальной своей твердости и не могла держать на себе богатырей, поэтому все они превратились телами в горы, в которых присутствуют духи их. Под именем Туеэзи – хозяин горы, горный дух. Алтаец-язычник этим горным духам кланяется и приносит жертвы, устраивает празднества, перед принятием пищи первые три ложки брызгает на воздух, в честь хозяев гор, с восклицанием: «чок!» Сказания о горах открывают нам богатый эпос. Здесь из мира мертвой природы возникают перед нами живые мифологические существа; это древний мир богов; сошедший на землю, долго действовавший, совершавший здесь подвиги, подобно греческим богам, а затем застывший в каменных громадах, оставил после себя предания в народной памяти о своих подвигах. Эта близость дикаря с природой объясняет многое в его жизни и воззрениях, она же лежит в основе его религиозных чувств. Воображение первобытного человека и его фантазия работают сильнее, стало быть дают более и материала для художественных образов и сравнений для поэзии. Весь жизненный опыт предшествовавших поколений, вся история культуры, история племен сохраняется у него не в книгах, а в преданиях, легендах, сказках; каждое новое событие дает повод к новому творчеству. В выработке формы изложения

также нет недостатка, поэтическая форма здесь также выработана и звучит в размерных строфах и созвучьях. Рифмованный рассказ сопровождается музы-

кой, и сказка рассказывается под звук инструмента. Творчество не исчезло среди этих народов, новые события дают ему пищу для импровизации.

Библиографический список

1. Бийск. Общественно-литературный альманах ассоциации литераторов Бийска. – Бийск, 1993.
2. Потапов А.П. Очерки по истории алтайцев. – М.-Л., 1953.
3. Вербицкий, В.И.. Алтайские инородцы.- М., 1893.
4. Никифоров, Н.Я. Аносский сборник. – Омск, 1915.
5. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. 1924.
6. Литературный сборник: Собрание литературных и научных статей о Сибири и Азиатском Востоке. Редактор А.М.Ядринцев. – Спб., 1885.
7. Живописная Россия / под общей редакцией П.П. Селянова. – Том XI. Западная Сибирь. – СПб.,1884.
8. Ядринцев, Н.М.. Сибирь как колония. – Сиб., 1892.

К статье Ольги Гультяевой «Про ишимских дня»

Фёдор Конохов.
Почётный гость Ершовского праздника в Ишиме